

Мне не довелось лично знать Михаила Лаптева, хотя, казалось бы, к тому были все основания: с ним очень тесно общались мои сотоварищи по лито «Сретенский бульвар», которое затем плавно перетекло в «Гуманитарный фонд им. А. С. Пушкина». Время было незабываемое: конец 80-х — начало 90-х XX века, шла смена эпох, начавшийся информационный бум постоянно приносил новые имена, так называемые забытые и бывшие запрещёнными или полузапрещёнными. Откуда-то постоянно появлялись излучающие энтузиазм и уверенность в счастливых переменах очень одарённые люди, писались новые тексты, возникали идеи и проекты.

Крутясь в этом калейдоскопе, я всё говорила себе: вот на этих днях надо съездить, наконец, к Мише Лаптеву, о котором твердят Андрей Урицкий и Игорь Сид, а когда действительно собралась и уже договорилась ехать, пришло известие о его смерти. Так и разминулась я с этим человеком, о чём теперь горько сожалею. Но остались его стихи, которые с тех пор вошли в мою жизнь. Спасибо Андрею Урицкому и Игорю Сиду: Андрей стал хранителем архива Михаила Лаптева и фактически первым «лаптеведом», а Игорь — организатором издания его книг.

Андрей Урицкий рассказывал мне, что Миша Лаптев жил в хрущёвской пятиэтажке, в небольшой двухкомнатной квартире, которую делил с мамой и тремя собаками. Жил бедно и одиноко, полностью сосредоточившись на

поэзии, но постоянно приглашал к себе всех желающих на стандартные для того времени литературные посиделки: пили чай, курили и читали свои и чужие стихи. Стихи начал писать с детства, и писал очень много: оставшийся после него архив оказался огромным. Умер он от прободения язвы, что неудивительно при плохом питании, неумеренном курении, постоянном приёме лекарств из-за нервного заболевания и характерном для поэтов обострённом восприятии несовершенства окружающего мира.

Как и большинство его ровесников, творчество которых не вписывалось в официальную советскую литературу, публиковаться Лаптев начал с 1989 года (журналы «Юность», «Новый мир», «Дружба народов», альманах «Поэзия», газета «Гуманитарный фонд» и др.), а в 1994 году вышла его первая книга — «Корни огня» (М.: Издательская квартира Андрея Белашкина, Маленькое издательство). Она открыла собой основанную Русланом Элининым (в этой книге он указан ещё как Руслан Нурудинов) серию «Классики XXI века», и её художественным редактором значится Андрей Урицкий. Презентация этой книги прошла уже после смерти автора в Литературном музее на Петровке 29 марта 1995 года в рамках поэтического вечера члена литгруппы «Полуостров». Эта много лет возглавляемая Игорем Сидом группа была основана Михаилом Лаптевым в 1992 году, и он же является автором её названия.

Михаил Лаптев относится к так называемым «авторам 90-х». Эти авторы заявили о себе на рубеже 80–90-х прошлого века, а их первые книги стали появляться с середины 90-х этого века. Они проделали огромную работу по осмыслению того, что было сделано в русской поэзии, по крайней мере, за XIX и XX века, в ходе чего каждый из них пришел к собственной, очень личностной поэтике. На этом фоне отличительная особенность творчества Лаптева —

серьёзность, временами производящая впечатление излишне тяжёлой, и тем более удивительная в тогдашней атмосфере, казалось бы, вездесущей иронии. А когда ирония всё-таки появляется в его текстах, то в таком мрачном виде, что чуть ли не смыкается все с той же тяжёлой серьёзностью.

Его тексты — визионерские, пронизанные глубокой, на грани переносимости, болью за всё сущее, — по словам Андрея Урицкого, *«населены таинственными монстрами, порождёнными безрадостной действительностью и подсознанием поэта»*. Создаваемые им образы, с одной стороны, зачастую могут быть названы сюрреалистическими, а с другой, в них проглядывают легко узнаваемые реалии видимого всем мира. Будучи, как и его мать, работающая библиотекарем, абсолютно книжным человеком, как и она, тратя последние гроши на книги, а не на еду и предметы самой первой необходимости, Лаптев был крайне чувствителен к идущим в социуме процессам. Его зрение поэта позволяло ему видеть то, что было скрыто от глаз остальных, и проникающая способность этого зрения очень велика.

Урицкий пишет, что Лаптев шёл к своей поэтике через подражание любимым поэтам, список которых открывается Блоком и Мандельштамом, включает в себя Хлебникова и Маяковского, Введенского и Вагинова и длится вплоть до Ерёменко и Бродского. Отмечает Урицкий и буквально влюблённость в «Слово о полку...», равно как и знание истории (Лаптев учился на историческом факультете пединститута). Но в качестве главного он обозначил его способность к удивительно личностному отношению ко всему сущему, базирующуюся на *«трагическом мироощущении и страстном поиске смысла, истины, Бога»*. Сам же Лаптев в разные периоды именовал свои поиски «сюр-акмеизмом», «дискрет-акмеизмом» и тому подобным, причём разобраться, что это значило, было практически невозможно.

Время «90-х» стало достоянием истории, мир изменился, а лучшие из «авторов 90-х» ныне — признанные мастера, выросло и серьёзно заявляет о себе следующее поколение. И понятно, что восприятие творчества Михаила Лаптева меняется. Безусловно, многие его тексты останутся на уровне экспериментаторских поисков времени, что интересно само по себе. Но из общей массы текстов постепенно выделяются как несущие в себе отсвет того, что неподвластно атрибутам времени, так и содержащие, возможно, элементы той эстетики, которая ещё только грядёт.